

Известия — 1993 — 27 янв

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия»

27 января в Русском музее открывается выставка живущих в Париже русских художников Оскара Рабина и его жены Валентины Кропивницкой. Это около 100 картин и рисунков, часть которых принадлежит самим живописцам, а другие предоставлены известными коллекционерами — Диной Верни и Александром Глезером. Несколько своих работ художники собираются преподнести в дар этому музею.

— Я никогда не хотел возвращаться туристом в свою страну, где не был целых 15 лет, — говорит мне Рабин, — и вот, наконец, мы едем на вернисаж. Это очень волнующе и интересно... Пока в голове страшный сумбур, ибо мы толком не знаем, что же происходит сейчас в России. Говорят, что мы ее не узнаем.

Главным организатором выставки выступила заместитель директора Русского музея Евгения Петрова. Чтобы получить необходимые для ее проведения средства, в том числе для перевозки работ, их страховки, издания каталога, несколько месяцев назад в парижской галерее «Пильтцер» она организовала экспозицию полотен Казимира Малевича и Павла Филонова. Галерея заплатила Русскому музею за демонстрацию этих полотен. Полученная посредством такого «бартера» сумма и пошла на организацию выставки Рабина и Кропивницкой.

...Оскар Рабин был одним из лидеров российского неофициального искусства, которое в собственной стране на протяжении нескольких десятилетий подвергалось гонениям со стороны властей. Он стоял у истоков знаменитой «бульдозерной» выставки 1974 года, разгромленной милицией и партийными чиновниками, а также 4-часовой экспозиции в том же году в Измайловском парке.

В 1978 году Рабин вместе с женой и сыном Александром, тоже художником, был изгнан за пределы Отечества и брежневским указом лишен советского гражданства, звания, которое, дескать, он позорил своей «деятельностью». Так 15 лет назад Оскар Рабин, бывший всю жизнь «невъездным», впервые попал за границу. В Париже, по его собственным словам, в 50-летнем возрасте началась его «третья жизнь». Первая прошла

в сталинские, а вторая — в постсталинские времена.

— Я попал в незнакомый город, — рассказывает Оскар, — не сразу почувствовал его. Я писал картины и оставался недоволен ими, искал себя, экспериментировал, осваивал Па-

«Он пишет Париж с той же печальной любовью, что Москву»...

Выставка О. Рабина и В. Кропивницкой в Русском музее

риж, который сегодня могу называть родным домом. И жил все эти годы чисто профессиональной жизнью: выставлялся, продавал картины, покупал краски и холсты, писал новые картины...

— Неправильно полагать, — продолжает Оскар, — что художник может работать только в родном «болоте». В Париже, да и вообще на Западе пришла слава к таким мастерам, как Кандинский, Шагал, Певзнер, Габо. Другие, которые долгие годы жили во Франции, — такие, как Гончарова, Ларионов, — завоевали известность только после смерти. Третьи — Коровин, Фальк — так и не получили здесь признания.

Сегодня в Париже собралась плеяда лучших наших художников — Кабаков, Булатов, Слепешев, Янкилевский, Штейнберг, Заборов, Целков, Купер. Одни обосновались здесь навечно,

другие — приехали поработать, но, кажется, никто не торопится назад, а Россию посещают преимущественно по случаю своих вернисажей и юбилеев.

Скандальная слава многих художников в России была вызвана особыми обстоятельствами, — напоминает Рабин. — На Западе ее у них не стало. Да в искусстве же не должно быть сенсаций, оно развивается прогрессивно. Выставки, которые всегда были событием в России, здесь не более чем часть обычной жизни. Каждый знает и делает свое дело.

— Большинство из нас, — отмечает Оскар, — оказались живучи как кошки. Нас вышвырнули, а мы приземлились на все четыре лапы. Вот только поэту Вадиму Делоне, кажется, было лучше в тюрьме, чем на свободе. Попав в Париж, он неожиданно умер от сердечного приступа в 30 с небольшим лет...

Да и для самого Рабина эмиграция в целом не оказалась событием болезненным. Конечно, порой душу терзали сомнения — получится ли?

— Но про успех российских мастеров на Западе давайте не говорить, — предупреждает меня Оскар. — Его нет, он бывает в другой жизни, в московской. Здесь, жизнь идет спокойная, размеренная, будничная, обстановка рабочая. Успех и связанные с ним суета и волнения — редкий праздник... Ни ностальгии, ни сожалений по поводу того, что я оказался в эмиграции, у меня нет. Судьба подарила мне «третью» жизнь, да еще в таком городе, как Париж. Так что же на нее роптать?

Действительно, роптать вроде бы не на что. Париж, как известно, умеет воздавать должное российским талантам. Рабин и Кропивницкая получили французское гражданство и превосходную двухэтажную квартиру с двумя огромными окнами, из которых выходят на знаменитый Центр искусства и культуры имени Помпиду.

Выставиться здесь для наших живописцев в одной из 600 столичных галерей обычно не проблема — гораздо сложнее, особенно в нынешних кризисных условиях, продать картину. У Оскара, насколько я понял, нет и таких трудностей, хотя едва ли его отнесешь к очень преуспевающим мастерам. Полотна Рабина стоят от 3 до 12 тысяч долларов, и одно из них на прошлогодней выставке в парижском центре «Мир искусства», как мне говорили, прямо на вернисаже приобрел Ф. Миттеран.

— Он пишет теперь Париж, — отмечал в посвященной Рабину книге искусствовед Михаил Герман, — то сумрачный, то триумфально-нарядный, изысканный и грубый, Париж с его вечной красотой и удручающей грязью, вполне по-своему; он пишет город как «лохмотья короля» (собственное выражение художника)... Он пишет Париж с той же печальной любовью, что и Москву, Лианозово.

ПАРИЖ.

Портрет Оскара Рабина в 1961 г.

Рис. Е. КРОПИВНИЦКОГО.